

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Томский государственный архитектурно-строительный университет»

СИБИРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО: ИСТОКИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, НАСЛЕДИЕ

*Материалы
Третьей Всероссийской научной конференции
21-23 сентября 2018 г.
г. Томск*

Томск
Издательство ТГАСУ
2019

А.А. Быков, Т.А. Быкова

Роль сибирского купечества в призрении детей во второй половине XIX – начале XX вв.

Понятие «социальная защита» относительно новое для постсоветской России, но любое общество, даже архаичное, имело функцию социальной поддержки населения, конечно, по-своему понимаемую и реализуемую. Генезис таких социальных институтов как государство и церковь привел к появлению достаточно дифференцированных форм помощи различным категориям, как сейчас принято говорить, незащищенного населения. Во многих странах мира в XIX веке складываются разноуровневые системы социальной защиты населения. Российская империя не осталась в стороне от этой тенденции социального развития. В европейской России с X века, с принятием христианства были довольно развиты церковные формы благотворительности, с XVIII в. происходит усиление централизованных, государственных форм, во второй половине XIX в. после реформ Александра II возрастает значение земских и общественных учреждений, значение которых было весьма велико вплоть до 1917 года.

Положение в провинциях Российской империи, в частности в сибирских губерниях, зеркально отражало состояние дел в европейской части государства. Так, появление приказов общественного призрения в центре империи в царствование Екатерины II, привело к созданию аналогичных органов в сибирских губерниях: в 1782 г. – в Тобольске, в 1804 г. – в Томске. [1. С.75]

Однако в Сибири существовали социально-экономические особенности, которые прямо влияли на способы помощи населению в частности на финансирование и организационные формы: это отсутствие крепостного права и отсутствие земств. Если учесть, что в приказах общественного призрения средств было немного, поэтому главными субъектами призрения населения в то время стали частные благотворители и, по мере возможностей, местное население городов. В данной статье анализируется роль сибирского купечества в призрении детей, которое в этот период времени имело средства и мотивацию к благотворительной деятельности.

На огромных просторах Сибири существовали самые разные типы учреждений, как по своей функциональности, так и финанси-

рованию, что определялось местными условиями. Так в Иркутске, городе прославившемся в те времена своими щедрыми благотворителями и меценатами, существовал Базановский воспитательный дом, основанный купцом И. Базановым. В 1873 году для воспитательного дома им покупается большая усадьба на углу Амурской и Баснинской с большим садом, выходящим на Луговую. На приобретенном участке в 1874 году строится новое огромное здание для воспитательного дома, сгоревшее во время пожара 22-24 июня 1879 года. На оставшемся пожарище постепенно началось строительство нового, уже прочного, каменного здания в готическом стиле по проекту архитектора Г.В. Розена.

Благотворительную деятельность И.И. Базанова продолжила и расширила его невестка Юлия Ивановна Базанова, вдова сына Петра. На содержание воспитательного дома она внесла в банк 513 тыс. рублей (23 тыс. рублей ежегодно). Кроме помощи воспитательному дому, в 1895 году она построила детскую Ивано-Матренинскую больницу, оснащенную по последнему слову техники: электрическое освещение, водопровод, рентген-кабинет. В 1893 они передали на обеспечение дома 507 тыс. рублей, часть из которых была затрачена на постройку и оснащение родовспомогательного отделения, открытого 7 октября 1893. Отделением пользовались женщины из бедных семей, прием рожениц проходил круглосуточно, и все услуги были бесплатными [2].

Это учреждение работало на основе правил, выработанных особой комиссией и утвержденных губернатором. Принимались дети-подкидыши не старше одного года, количество питомцев определялось в 60-63 человека. Если попадали дети старше одного года, или с какими либо уродствами, их в течение десяти дней должны были передать в приказ общественного призрения. От самих родителей законнорожденные и незаконнорожденные дети принимались по усмотрению попечительского совета, но число таких детей не должно было превышать 5% всех призреваемых в доме. [3. С.15]

Питомцы, приученные к искусственному вскармливанию, выдавались на воспитание, причем брать детей могли лишь лица, живущие в Иркутске и селениях, отстоявших от него не далее 130 верст. Очевидно для обеспечения контроля за их содержанием. Для усыновления дети выдавались «во всяком возрасте» и во все местности. Но желающие находились далеко не всегда. Чаше отдавали на воспитание. Ин-

интересен размер платы за воспитание: на первом году жизни – 6 рублей в месяц, на втором – 4 рубля, а в следующие годы до восьмилетнего возраста – по 3 рубля. После восьми лет дети, неусыновленные воспитателями, возвращались в воспитательный дом, который изыскивал средства для дальнейшего воспитания и их призрения.

Высший надзор за деятельностью воспитательного дома возлагался на попечительский совет, состоящий из достаточно высокостатусных персон: председателя иркутского губернского правления, председателя наследников Базанова, городского головы, медицинского советника и неперменного члена приказа общественного призрения.

Любопытно соотношение кормилиц и детей, а также бытовых условий. На одну кормилицу с двумя детьми приходилось 16 м² и 66 метров кубического пространства, т. е. дети-подкидыши воспитывались в относительно комфортных условиях. Тем более, что на каждого ребенка тратилось в день 79 коп. Содержание дома полностью финансировали наследники купца Базанова.

В «Очерках деятельности Базановского дома за 1886-1890 гг.» приводится печальная статистика смертности среди детей. Из поступивших в течение пяти лет 1465 детей умерло 846, но в Иркутске детская смертность на первом году жизни была очень высока – 40%, а в некоторых приходах – до 49%. Базановский приют за 25 лет принял 15 389 детей, из них усыновлено 844, возвращено матерям 1308, умерло 8348» [4. С.352]

Следует отметить, что высокая младенческая смертность была типична для России в XIX веке. Но все же почему такая смертность в воспитательном доме? Аналитики того времени выделили три причины: 1. Большая часть детей, находящихся в доме – незаконорожденные, а такие всегда слабее рожденных в браке; 2. Многие из них подкидывались к дверям, успевая при этом замерзнуть и простудиться; 3. Истощение из-за болезни или смерти матери. Смертность питомцев отданных на воспитание за пять лет составила 47%. [3. С.30]

К разряду крупных учреждений относился и Иркутский сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой, основанный в 1838 г. И.Л. Медведниковым, пожертвовавшим 15 тысяч рублей серебром. Спустя пятьдесят лет капитал возрос до 1 млн. 400 тыс. рублей. [5. С.52]

В уставе заведения утвержденным МВД империи были заложены «руководящие идеи»:

1. «Доставить призрение и образование бедным детям женского пола, как благородного звания, так и всех свободных сословий».

2. «Обучать девиц наукам соответственно их силам и понятиям, а также необходимым женским рукоделиям и отделку рукоделий доводить до такого совершенства, чтобы они с выгодой могли бы поступать в продажу, доставляя с этой стороны полное доверие».

Административно Иркутский воспитательный дом подчинялся Ведомству учреждений императрицы Марии. Первый набор – всего 9 человек. Родители боялись отдавать своих дочерей в совсем новое, неизвестное заведение, но потом картина меняется, были годы, когда количество «баллотировавшихся детей» превышало в 25 раз и более число свободных вакансий. Поэтому проводился тщательный отбор желающих. Администрация выясняла, есть ли действительная потребность в помещении в дом, изучала медицинские показания («неодержима ли претендентка какими-либо прилипчивыми болезнями, наличие прививки от оспы). В те годы, когда желающих было очень много, действовал жребий.

О многом свидетельствует и анализ социального происхождения девушек, содержащихся в доме. Беднейшие слои населения составляли основную массу питомиц (крестьяне, мещане), но были дети богатых родителей, предпочитавших Сиропитательный дом всем другим заведениям (дворяне, чиновники, духовенство, казаки). В иные годы привилегированные классы давали больше, чем мещанское сословие. Но в 1845 г. с открытием Девичьего института, затем женских гимназий, уменьшилось количество детей дворян и чиновников.

Однако те родители, которые ориентировались на данное заведение обратно «получали» вполне по тем временам, образованных дочерей. В доме учили грамматике, арифметике, истории, географии, чистописанию, гимнастике, закону Божьему. Девушки в старшем классе учились 32 часа в неделю. Воспитанницы делились на два класса: «приготовительный» и «высший». Высший делился на три последовательных класса с двумя группами каждый. В каждом классе обучались два года. Разбивка на группы (год I, год II) облегчала преподавание и его успешность.

Однако девушки не только учились, но и имели интересный досуг. В документах есть понятие «рекреационное время», куда входили отдых, прогулка, общее хоровое пение молитв и т. д.

Итак, Иркутский сиропитательный дом был достаточно сложным, многофункциональным заведением, которое требовало квалифицированного управления и достаточно обученного штата работников разных специальностей. Сиропитательный дом управлялся Советом, который состоял из трех попечителей и кандидатов, выбираемых на три года иркутским городским обществом из купцов всех гильдий. Первый из попечителей считался главным, два других заведовали: один – самим домом, другой – банком. Совет находился под контролем иркутского генерал – губернатора. Во внутренний штат работников входили: смотрители, законоучитель, надзирательницы, эконо, служители. Что примечательно, смотрительница дома увольнялась и утверждалась высочайшей волей Государыни Императрицы. [5. С.17]

Автор XIX века Г. Губкин, анализировал судьбы выпускниц сиропитательного дома и описал технологии их обустройства. Выпускали не ранее шестнадцатилетнего возраста. При выпуске сирот Совет дома «печется о выдаче их в замужество или хотя бы пристраивает их в частные дома, приискивая им должности соответствующие их успехам и званию» При выходе сирот в замужество, каждой из них из доходов банка выдавалось денежное вознаграждение.

Если воспитанница не пристроена Советом, она могла оставаться в доме на шесть месяцев или один год. Самых лучших оставляли в качестве надзирательниц. Но были и проблемы. Так некоторые девочки поступали в дом в возрасте четырнадцати лет и ничему не успевали научиться. Таким сложно было подыскать место работы. Сироты «часто выходили с непохвальными качествами, такими как неблагодарность (непризнательность), зависть, излишняя угодливость, отчужденность, неопытность, нравственная неразвитость. Сироты в основном пополняли ряды служанок г. Иркутска, но так было в первое десятилетие существования заведения.

Несколько позднее, в конце 40-х годов XIX века лица духовного звания из Якутии специально приезжали, чтобы жениться на сиропитательницах, а потом ими заинтересовались и мужчины других сословий. [5. С.17]

Наряду с сиропитательными заведениями открывались училища для детей с ограниченными возможностями. В 1893 году в Иркутске открыто училище для слепых детей, которому присвоено имя Ивана Степановича Хаминова, хотя его открытие состоялось уже после смерти именитого купца. Деньги были взяты из завещанного (1890 г.)

вдовой И.С. Хамина капитала. В дар городу передавались усадьба Хамина, состоявшая из трех домов, надворных построек, других строений, оцененная в 63 тыс. руб., и вся находившаяся в этих домах движимость. Незрячие дети обучались грамоте и простейшему ремеслу, находясь на полном пансионе. [6]

Однако деятельность купцов не ограничивалось только финансированием сиропитательных заведений. Так, например, купцы А.Ф. Фторов и А.А. Фторов принимали участие в работе губернского попечительства детских приютов в Иркутске. [7. С.171]

В Енисейской губернии так же развивалась благотворительность в сфере призрения детей. Так, по завещанию потомственной почетной гражданки Татьяны Ивановны Щеголевой от 30 октября 1878 г., крупные суммы предназначались на благотворительные дела, на учебные заведения – 10 тыс. рублей серебром, городской управе для вспомоществования бедным жителям – 33 тыс. рублей серебром, на больных и раненых воинов и в пользу детских приютов – 30 тыс. рублей серебром, на устройство Сиропитательного дома, воспитания и обучения бедных девочек, круглых сирот – 60 тыс. рублей серебром.

Официальное открытие Сиропитательного дома Щеголевой Т.И. состоялось 15 марта 1894 г. Ко дню открытия в нем уже было 19 воспитанниц. На воспитание и обучения принимали девочек в возрасте от 3 до 12 лет. В 16 летнем возрасте, при получении ими той или иной профессии, их трудоустраивали. Такого рода «специалистов», например, охотно брали в богатые дота, мастерские и прочие заведения. [8. С. 189] Всего супруги Щеголевы дали Красноярску 1 200 000 рублей. [9. С.189]

Призрение детей в Западной Сибири, в частности в Томской губернии, несмотря на известное сходство с восточно-сибирской практикой, имело свою специфику. В Томске существовала система более мелких организационных форм – приютов, тесно взаимосвязанных и функционально дополняющих друг друга. Еще в 1844 г. был открыт Мариинский приют, находившийся в ведении губернского попечительства детских приютов. Своим рождением данное заведение было обязано пожертвованиям советника коммерции Андрея Попова. Первой попечительницей приюта была Александра Павловна Асташева (жена Ивана Дмитриевича Асташева), которая приняла на себя полное содержание и обеспечила его помещением, мебелью, одеждой и учебными пособиями на 30 учащихся. После смерти Асташевой содержание

приюта принял ее муж и вел дела до своей смерти до конца 1869 г., капитал приюта к 1 января 1870 г. достиг 31 618 руб. 61 коп. Асташев пожертвовал приюту каменный двухэтажный дом с постройками и землей стоимостью 25 тыс. руб. При нем в приюте содержалось 25 детей, приходящих было 75, которых он снабжал в зимний период теплой одеждой, а аптеки отпускали бесплатно лекарства. После отхода от дел семьи Асташевых, содержание приюта принял на себя З.М. Цибульский. С 1875 г. в приют принимались только девочки. Всего Цибульскими на содержание приюта пожертвовано 143 тыс. рублей. [10. С.98]

Штат приюта состоял из смотрительницы, двух помощниц и необходимой прислуги. Детей учили чтению, письму, закону Божьему, арифметике, церковному пению и рукоделию. С открытием в Томске приюта для мальчиков, в Мариинский приют брали только девочек, которые получали на выходе пособие. Работы рукодельниц этого заведения отправлялись в Москву, Петербург, Государыне Императрицы, что делало его известным в столицах империи. Приют посещали великие князья Владимир Александрович (1868 г.) и Алексей Александрович (1879 г.)

За пятьдесят лет существования в приют поступило 1224 ребенка, а умерло – 30, что свидетельствует об относительно высоком уровне медицинского контроля и содержания детей в целом. Тем более, что история той эпохи хранит гораздо более зловещие показатели детской смертности в аналогичных заведениях. [11. С.25]

Кроме Мариинского приюта существовал детский приют братьев Королевых, основанный в 1874 г. и рассчитанный на двадцать пять мальчиков, с 6 до 12 лет. При основании приюта Всеволод Иванович и Евграф Иванович Королевы пожертвовали в основной капитал 20 тыс. руб. Е. Королев – каменное трехэтажное здание с флигелем и землей (2000 кв. саж. в 50 тыс. руб.) В. Королев внес в капитал приюта 10 тыс. руб. затем в 1888 г. еще 10 тыс. руб. Дети по достижению двенадцати лет, возвращались родственникам, а затем с учреждением ремесленного училища, отдавались туда для обучения. [10. С.104]

Несколько иные функции выполнял Мариинский сиропитательный приют, открытый в 1893 г. для призрения двадцати пяти младенцев. Данное заведение было открыто почетным гражданином, купцом Пушниковым Ф.Х. и его женой. Приют помещался в деревянном

двухэтажном доме, пожертвованным учредителем и обеспечен капиталом в 50 тыс. руб. Пушников Ф.Х. обязался содержать приют за свой счет до смерти, не трогая процентов с этого капитала. Кроме Пушниковых томский купец С.С. Валгусов брался содержать в этом приюте 10 человек, А.Н. Пастухов, Я.И. Акулов и И.М. Некрасов гарантировали содержание за своей счет по два ребенка из расчета 40 руб. в год на каждого. [12. С.59]

При приюте состояли смотрительница, врач и няньки. В отличие от предыдущего приюта, Мариинский сиропитательный принимал круглых сирот и подкидышей. В нем дети содержались до шести лет и потом отдавались частным благонадежным лицам православного вероисповедания с правом усыновления, либо в существующие в Томске приюты.

Данное заведение отличалось высоким уровнем смертности. Так за 1893-1895 гг. в приют поступило 102 младенца, «из коих умерло 83» [11. С.25] С. Соболев, чиновник по особым поручениям при губернаторе, объяснял следующими причинами:

Неудачные попытки аборта.

Отсутствие в Томске опытных и добросовестно относящихся к делу нянечек.

«Бросание детей зимой без утепления» было одной из типичных причин младенческой смертности в приютах Сибири, что и подтверждается вышеприведенными данными по Базановскому воспитательному дому в Иркутске.

К разряду крупных заведений относился Владимирский приют, который был открыт тюремным комитетом в 1855 г. исключительно для детей арестантов. Назван в честь Великого князя Владимира Александровича, который его в свое время посещал. С 1869 г. приют имел свое помещение – два дома с надворными постройками (один построен за счет тюремного комитета, другой – купцами С.П. Петровым и П.В. Михайловым). [10 С.101.].

Позднее стали брать и других детей и содержали их до 15-16 лет. Детей обучали по программе начальных народных школ. Воспитанники получали на выходе по 50 рублей, а самым выдающимся детям выдавали средства для дальнейшего обучения. В приюте одновременно находилось около ста детей, причем одинаковое количество мальчиков и девочек.

Штат работников состоял из смотрительницы, помощницы и надзирателя при мальчиках, священника приютской церкви, двух учительниц, врача, фельдшера, регента (учителя пения), учителя сапожного и переплетного мастерства и прислуги.

Интересны и источники финансирования Владимирского приюта. Содержание этого заведения осуществлялось за счет процентов с капитала приюта, взносов почетных членов, пожертвований, прибыли от ежегодно устраиваемой лотереи-аллегри. Главными жертвователями были: почетные граждане Бийска А.В. Соколов – 5 тыс. руб и А.Ф. Морозов – 1 тыс. руб., томские 1-й гильдии купцы А.Н. Пастухов, Н.Н. Вяткин,

Ф. Х. Пушников – по 5 тыс. руб. Кроме того, изъявили желание вносить ежегодно по 250 руб. Д.Н. Сухов (из Барнаула), И.Л. Фуксман, Я.И. Петров и Ф.Н. Манасевич. [12. С.59.]

Но это в те времена были традиционные источники финансирования. К этим средствам добавлялась плата за содержание арестантских детей от Тюремного комитета по 80 рублей в год за каждого. Из этих источников складывался общий капитал, который на 1 января 1895 г. достиг 63 тыс. 167 рублей. Это, не считая недвижимого имущества на 40 тыс. рублей, чего вполне хватало для нормального функционирования Владимирского приюта. [11. С.26]

Позднее появляются приюты для других категорий детей. В 1898 г. был открыт приют для детей – сирот переселенцев Томской губернии. Приют помещался в двух деревянных зданиях, одно из которых было построено на пожертвования Торгового Дома «Е. Кухтерин и сыновья», стоимостью 8 тыс. руб. При приюте имелись все необходимые службы: баня, сарай, конюшни, птичники и т. д. Основного капитала приют не имел и содержался исключительно на средства Торгового Дома, попечителем которого состоял И.Е. Кухтерин. Только в 1907 г. Кухтеринными было пожертвовано 5 тыс. руб. На этот год в приюте содержалось 30 мальчиков и 1 девочка. [13. С.9]

В 1902 г. Томским городским общественным управлением был основан Томский городской приют для бездомных и нищих детей. Директорами данного заведения были купцы И.В. Хмелев (1903 г.), А.А. Ельденштейн (1914 г.). [14. С.91, 291] Благодаря не плохому питанию и хорошим гигиеническим условиям дети болели редко.

В Томске существовали и успешно действовали и другие приюты, в частности, при Томском Благотворительном обществе, осно-

ванном в 1886 г. Детский приют общества был создан при загадочных обстоятельствах. Через председателя общества М.А. Гилярова некто неизвестный передал 39 тыс. 100 рублей с тем, чтобы 4 тыс. руб. были употреблены на постройку особого здания, которое носило бы название «Приют устроенный и содержимый на пожертвования благотворителя Богу известного». Приют был создан и известно, что приютянки занимались изготовлением как обычных вещей, так и изящных. На этом в 1911 г. было заработано 1263 рубля. [15. С.45]

Существовал детский приют трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре. Купец И.М. Некрасов долгие годы был попечителем данного детского приюта. В 1912 г. в нем находилось пятьдесят три девочки, которые обучались кройке, шитью, вязанию, типографскому и переплетному делу, а также вели домашнее хозяйство. [15. С.47]

К сожалению мало информации о приютах организованных этноконфессиональными благотворительными обществами. Томской губернии. Римско-католическое благотворительное общество при Томской церкви Покров Пресвятой Богородицы в свое время открыло приют для 25 детей. Лютеранское дамское благотворительное общество также содержало детский приют, но для 19 детей. [15. С.49]

В самой западной Тобольской губернии ситуация с призрением детей была по способам финансирования аналогичной. Тарский сиропитательный дом и ремесленное училище при нем открылись 21 апреля 1875 года Я.А. Немчиновым, который пожертвовал на создание общественного банка и Сиропитательного заведения 25 тысяч рублей. Первоначально в доме на Немчиновской, поселились дети узников тарской тюрьмы, а позже сюда привозили и приводили сирот со всего уезда. Девочки с воспитательницами жили на третьем этаже, тут же были мастерские. На втором этаже, где жили мальчики и воспитатель, разместился общественный банк, а внизу – столярная, сапожная, подсобные помещения. Во дворе построили кухню, баню, квартиры для обслуживающего персонала, в частности для эконома и руководительницы ковровой мастерской для девочек. Работу в сиротском доме считали престижной, тут трудились дочери протоиерея Софонова, купцов и чиновников. Заведение давало хорошее воспитание и готовило детей к трудовой жизни. Получив небольшую материальную помощь, девочки в 16 лет и юноши в 18 лет начинали жить самостоятельно. [2]

Следует отметить таких благотворителей как: М.А. Шанина (г. Омск), К.К. Шешуков (г. Тюмень), И.Е. Щербаков (г. Тара) и многих других. [16. С.8, 26, 60] Однако, нельзя объять необъятное. Имена многих купцов – благотворителей остались за рамками этой статьи.

Таким образом, основная работа по призрению разных категорий детей в Сибири осуществлялась не государственными органами, а частными благотворителями. Именно сибирское купечество сыграло решающую роль в содержании детских приютов. Конечно были и другие формы поддержки детей такие как организация и содержание обществ «Ясли», кормление и лечение детей и т. д. Ситуация в этой сфере изменилась после 1917 года, когда государство стало фактически единственным субъектом социальной защиты детей.

Библиографический список

1. *Куприянов, А.И.* Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири / А.И. Куприянов. – М. : АИРО – XX, 1995. – 160 с.

2. *Иркутская вики.* – Условия доступа : <http://irkipedia.ru/node/6435/talk>

3. *Губкин, Г.* Базановский воспитательный дом в Иркутске. Очерк его деятельности в пятилетие 1886-1890 гг. / Г. Губкин. – Иркутск : Тип. К.И. Витковской, 1891. – 17 с.

4. *Романов, Н.С.* Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. / Н.С. Романов. – Иркутск : Вост. Сиб. кн. изд-во, 1994. – 560 с.

5. *Иркутский сиропитательный дом* Елизаветы Медведниковой и учрежденный при нем банк (Обзор деятельности за 50 лет). Ч. 1. – Иркутск : Совет Иркут. сиропитат. дома, 1888. – 23 с.

6. http://irkipedia.ru/content/irkutskoe_uchilishche_imeni_haminova_dlya_slepyh_detey

7. *Памятная книжка* Иркутской губернии на 1904 год. – Иркутск : Изд-во Иркутского губернского статистического комитета, 1904. – 255 с.

8. *Шилов, А.И.* Щеголевы – династия меценатов-благотворителей / А.И. Шилов, Н.В. Шилова // Историко-педагогический журнал. – 2014. – № 1. – С. 188–195.

9. *Одинцова, М.Н.* История предпринимательства и меценатства в Сибири / М.Н. Одинцова. – Красноярск : Сиб. гос. технолог. ун-т, 2009. – 178 с.

10. *Город Томск в прошлом и настоящем* / сост. А.В. Адрианов. – Томск : Издание «Сибирского книжного магазина» Михайлова и Макушина; Типография Михайлова и Макушина, 1890. – V, XI, 433, 27, [25] с.

11. *Соболев, С.* Благотворительные учреждения Томской губернии / С. Соболев. – Томск : Губернская типография, 1895. – 75 с.

12. *Бойко, В.П.* Благотворительность западно-сибирского купечества в области народного образования в XIX веке / В.П. Бойко // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки, 14. – 2000. – № 4 (20). – С. 56–60.

13. *Отчет Томского губернского попечительства детских приютов* и Томского губернского попечительства над Владимирским детским приютом ведомства учреждений императрицы Марии за 1907 год. – Томск : Типография Томского губерн. управления 1908г. – С. 206.

14. *Дмитриенко, Н.М.* Томские купцы : биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.) / Н.М. Дмитриенко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. – 336 с.

15. *Город Томск в 1912 году.* – Томск : Издание Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. – 348 с.

16. *Краткая энциклопедия* по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. – Новосибирск : РИПЭЛ, 1999. – Т. 4. – Кн. 3. – 160 с.